

Важна каждая секунда...

127 часов

Между
молотом
и наковальней

Арон Ралстон

Бестселлер New York Times,
послуживший основой для фильма

«127 часов» Дэнни Бойла

Рожденные выжить

Арон Ралстон

**127 часов. Между
молотом и наковальней**

«Издательство АСТ»

2004

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

Ралстон А.

127 часов. Между молотом и наковальней / А. Ралстон —
«Издательство АСТ», 2004 — (Рожденные выжить)

ISBN 978-5-17-121942-0

Суббота, 26 апреля 2003 года, 14 часов 41 минута. В восьми милях от своего грузовика, находясь в глубокой и узкой расщелине каньона Блю-Джон, альпинист Арон Ралстон спускался с клинообразного валуна, когда камень внезапно начал шататься. Прежде чем Арон смог отскочить в сторону, падающий камень прижал его правую руку и запястье к стене каньона. Так для Арона начались шесть дней ада. Имея лишь скудные запасы воды и еды, без куртки, чтобы согреться мучительно холодными ночами, с ужасом осознавая, что он никому не сказал о том, куда отправился, Арон понимал, что ему предстоит умереть медленной смертью – он был пойман в ловушку на дне каньона валуном весом около 400 килограммов на глубине 3 метров. И тогда, чтобы спасти себя, Арон совершил самый необычный поступок, который только можно было представить... В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-121942-0

© Ралстон А., 2004

© Издательство АСТ, 2004

Содержание

Пролог. Вместе с бандитами из Руста	7
Глава 1. Геологическая эпоха включает в себя настоящее время	9
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Арон Ралстон

127 часов. Между молотом и наковальней

Aron Ralston

Between a Rock and a Hard Place

© 2004 by Aron Ralston

© Е. С. Скиперская, перевод, 2020

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Страсти: то, от чего страдаю, чему поддаюсь, что терплю, и то, что дано мне.

*...После того как сирен товарищи сзади оставляют,
Дальше тебе ни за что говорить я не стану, какую
Выбрать дорогу тебе. Умом своим собственным должен
Это решить ты. А я расскажу об обеих дорогах.
Встретишь на первой утесы высокие. Яро пред ними
Волны кипят синеглазой богини морской Амфитриты.
Планктами эти утесы зовут всеблаженные боги.*

<...>

*Все корабли, к тем скалам подходившие, гибли с пловцами;
Доски одни оставались от них и бездушные трупы,
Гибельным вихрем огня и волною носимые в море.*

<...>

*Два на дороге второй есть утеса. Один достигает
Острой вершиною неба, вокруг нее тучи теснятся
Черные. Прочь никогда не уходят они, у вершины
Воздух ни летом, ни осенью там не бывает прозрачным.*

<...>

*Мрачная есть в середине утеса большая пещера.
Обращена она входом на мрак, на запад, к Эребу.
Мимо нее ты направь свой корабль, Одиссей благородный.*

<...>

*Страшно рычащая Сцилла в пещере скалы обитает.
Как у щенка молодого, звучит ее голос. Сама же –
Злобное чудище. Нет никого, кто б, ее увидавши,
Радость почувствовал в сердце, – хоть если бы бог с ней столкнулся.
Ног двенадцать у Сциллы, и все они тонки и жидки.
Длинных шесть извивается шей на плечах, а на шеях
По голове ужасающей, в пасти у каждой в три ряда
Полные черною смертью обильные, частые зубы.*

<...>

*Из мореходцев никто похвалиться не мог бы, что мимо
Он с кораблем невредимо проехал: хватает по мужу
Каждой она головой и в пещеру к себе увлекает.*

*Там и другую скалу, Одиссей, ты увидишь, пониже,
Близко от той. Отстоит от нее лишь на выстрел из лука.
Дико растет на скале той смоковница с пышной листвою.
Прямо под ней от Харибды божественной черные воды
Страшно бушуют. Три раза она их на дно поглощает
И извергает три раза. Смотри же: когда поглощает —
Не приближайся! Тебя тут не спас бы и сам Земледержец!
К Сицилии ближе держися скале и как можно скорее
Мимо корабль быстроходный гони. Несравненно ведь лучше
Шесть людей с корабля потерять, чем всех их лишиться¹.*

¹ Гомер. Одиссея (песнь двенадцатая) / перевод с древнегреческого В. В. Вересаева под ред. академика И. И. Толстого. — Москва: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1953.

Пролог. Вместе с бандитами из Руста

По складу характера он был скорее лодочником, чем ковбоем, и приготовление пищи ему удавалось лучше, чем ограбление поездов. Однако Джон Гриффит, отличительной приметой которого были глаза разного цвета – один голубой, другой карий, – стал незаменимым членом «Дикой шайки» Бутча Кэссиди. В те времена банда скрывалась в Робберс-Руст, в Восточной Юте. Блю-Джон², как назвал его первый работодатель, приехал в этот район, чтобы работать поваром на ферме Харриса, около Циско, примерно в девяноста шести километрах к западу от Гранд-Джанкшен. Однако в согласии с законом он не был и двух лет. В возрасте тридцати пяти лет Джон Гриффит связался с Джимом Уоллом, известным как Серебряный Мундштук, и Эдом Ньюкомбом, он же Индеец Эд. Весной 1890 года они вместе проводили сбор скота для родео. Ковбои прочесывали просторы Руста под предводительством Джека Мура, у которого была крайне плохая репутация. Он неоднократно принимал банду Бутча Кэссиди на своей территории, ограниченной реками Дерти-Девил, Сан-Рафаэль, Грин-Ривер и Колорадо. И каждый раз, когда «Дикая шайка» оставалась в Русте на зиму, разбивала лагерь до или после очередного набега или же заглядывала, чтобы помочь со сбором скота, ее ждал теплый прием.

Серебряный Мундштук, Блю-Джон и Индеец Эд скитались вместе с шайкой в качестве подсобных рабочих, они брались за все, что только можно – крали лошадей, занимались разбоем, пасли скот. В 1898 году они помогали Муру отлавливать остатки стада Джей Би Бура, после чего отправились в Вайоминг воровать лошадей. На обратном пути завязалась перестрелка, которая стоила Муру жизни. В начале следующего года группа доставила украденных лошадей в Колорадо для продажи, после чего вернулась в Руст. Серебряный Мундштук, Блю-Джон и Индеец Эд обзавелись новой партией отборной конины, угнав лошадей с ранчо неподалеку от Моаба и Монтичелло. «Дикая шайка» не слишком боялась поисковых отрядов, которые, кстати, старались держаться подальше от Руста. Но в то же время разбойники знали, что после всех их выходов слуги закона не прекратят охоту на них.

В одном из боковых ответвлений каньона Руст поздним февральским утром Индеец Эд карабкался по скалам над выступом, под которым команда укрылась на ночь вместе с краденым товаром – двумя выючными животными и полудюжиной лошадей. Внезапно утреннюю тишину разорвал оружейный выстрел. Пуля 38 калибра расплющилась о скалу и отколошетила, пробив Эду ногу над коленом. Он упал в песчаную вымоину и, скрываясь за кустами, пополз к укрытию, из которого Блю-Джон и Серебряный Мундштук уже вели огонь по поисковому отряду, который отыскивал разбойников по их следам и остаткам вчерашнего костра. Пока Блю-Джон отвлекал внимание отряда, Серебряный Мундштук вылез из вымоины и, поднявшись на край каньона, сделал три выстрела. Пули просвистели прямо над головами людей шерифа. Слуги закона отступили из бокового каньона к основному руслу каньона Руст, где они оставили своих лошадей, и затем помчались к своим домам и ранчо, разнося новость о перестрелке с «Дикой шайкой».

Это был последний раз, когда три бандита вместе участвовали в преступной операции. После этого случая они повесили свои ружья на стену, их пути разошлись, и каждый мирно ушел в историческое небытие, оставив другим место для подвигов. Индеец Эд вылечил ногу и, как считают, вернулся в Оклахому, где его следы затерялись. Серебряный Мундштук отбыл два года десятилетнего срока в тюрьме округа Уэйн, штат Юта, после чего сбежал из-под стражи. В конце концов он поселился в штате Вайоминг, где спокойно прожил остаток своих дней. Блю-Джона – Гриффита – в последний раз видели осенью 1899 года, когда он отплывал из Хайта вниз по реке Колорадо – по одному из самых красивых и опасных речных участков на Западе

² Блю-Джон – с англ. «Голубой Джон».

– в сторону паромной переправы Лиз Ферри. Но в Лиз Ферри его никто не видел, поэтому считают, что он мог выйти на полпути, чтобы отправиться в Аризону или даже в Мексику. Так или иначе, никто о нем больше ничего не слышал.

Из них троих только он один смог оставить свой след на земле. Каньон Блю-Джон и источник с тем же названием рядом с местом роковой попытки устроить засаду названы в честь этого то ли повара, то ли скотовода или грабителя, который с добрый десяток лет в поисках наживы скитался по Русту в самом конце XIX века.

Глава 1. Геологическая эпоха включает в себя настоящее время

Это самое красивое место на земле.

Таких мест много. Каждый мужчина и каждая женщина носят в своем уме и сердце образ идеального места, известного или неизвестного, существующего или призрачного...

Нет предела человеческой способности стремиться вернуться домой. Даже богословы, летчики и астронавты чувствовали призыв Родины, взывающей к ним сверху, из холодной черной глуши межзвездного пространства.

Для меня это город Моаб в штате Юта. Конечно, я имею в виду не сам город, а окружающую его местность – каньоны.

Пустынные гладкие скалы. Красная пыль, обожженные солнцем склоны и одинокое небо – все, что лежит за концом дорог³.

Лучистые инверсионные следы самолета прочерчивают лазурное небо над красным пустынным плато, и я спрашиваю себя, как много палящих солнечных дней видели эти бесплодные земли с момента их создания. Утро субботы, 26 апреля. Я еду на горном велосипеде по разбитой грунтовой дороге в отдаленном юго-восточном районе округа Эмери, в центральной части Восточной Юты. Час назад я оставил свой пикап на парковке у начала грунтовой дороги, ведущей в Хорсшу-Каньон, укромный уголок национального парка Каньонлендс, который находится примерно в двадцати четырех километрах к северо-западу от легендарного округа Мейз, в шестидесяти четырех километрах к юго-востоку от прекрасных зубчатых пиков возвышенности Сан-Рафаэль, в тридцати двух километрах к западу от реки Грин-Ривер и примерно в шестидесяти четырех километрах к югу от автомагистрали I-70, последнего оплота коммерции и цивилизации (до ближайшего автосервиса 177 километров). Сильнейший ветер, разогнавшись на открытых равнинах, простирающихся на сотни километров между заснеженными хребтами Генри на юго-западе – последние горы в США, которые были исследованы, названы и нанесены на карту, – и горами Ла-Саль на востоке, дует мне навстречу с юга, куда я направляюсь. Помимо того, что я замедлил свое продвижение практически до ползучести, я еду на самой низкой передаче и сильно качаюсь на ровном склоне только лишь для того, чтобы продвигаться вперед. Ветер намел мелкие кучки темно-бордового песка на дощатую дорогу. Я стараюсь избегать заносов, но иногда они покрывают всю дорогу, и мой велосипед пробуксовывает. Мне уже трижды приходилось идти пешком по особенно длинным песчаным заносам.

Идти было бы намного легче, если бы у меня не было этого тяжелого рюкзака на спине. На обычную велосипедную прогулку я не потащил бы с собой одиннадцать килограммов провизии и снаряжения, но сейчас я продвигаюсь по круговому сорока восьми километровому маршруту, который предусматривает поездку на велосипеде и скалолазание – пребывание на дне глубоких и узких каньонов, на что у меня уйдет большая часть дня. Помимо воды в водонепроницаемом гидрорезервуаре-кэмелбэке и в литровой пластиковой бутылке «Лексан», в моем рюкзаке лежат пять плиток шоколада, два буррито и шоколадный кекс в полиэтиленовом пакете. К тому времени, когда я доберусь до своего пикапа, я наверняка уже снова проголодаюсь, но на сегодня мне хватит. Большая часть веса моего груза приходится на мой полный запас альпинистского снаряжения: три карабина с фиксаторами, два обычных карабина, облегченное

³ Эбби Эдвард. Отшельник пустыни. – Нью-Йорк: Random House, 1968.

комбинированное устройство для страховки и спуска по веревке, две связанных стропы толщиной немногим более одного сантиметра, более длинная веревка с десятью предварительно сшитыми петлями, которую называют «лесенкой», моя альпинистская обвязка, динамическая альпинистская страховочная веревка длиной шестьдесят метров и толщиной десять с половиной миллиметров, стропа-труба длиной семь с половиной метров, сложенная в бухту, и редко используемый мультиинструмент *Leatherman-knockoff* (перочинный нож с двумя складными лезвиями и парой плоскогубцев), который я беру с собой на случай, если мне понадобится отрезать веревку, чтобы сделать узел и закрепиться. Помимо этого, в моем рюкзаке лежат налобный фонарь, наушники, CD-плеер и несколько компакт-дисков, дополнительные пальчиковые батарейки, цифровой фотоаппарат и цифровая мини-видеокамера, батарейки к ним и защитные тканевые мешки.

Это добавляет лишний вес, но я считаю, что все эти вещи необходимы, даже оборудование для фото и видеосъемки. Мне нравится фотографировать необычные цвета и формы, которые встречаются в глубинах извилистых расщелин каньонов, а также доисторические изображения, сохранившиеся в их нишах. У этой поездки есть дополнительное преимущество: я смогу пройти мимо четырех археологических памятников в Хорсшу-Каньоне, на стенах которого можно увидеть сотни петроглифов и пиктограмм. Конгресс США специально включил этот отдельно расположенный каньон в состав прилегающего к нему национального парка Каньонлендс, чтобы защитить пятитысячелетние наскальные гравюры и рисунки, найденные вдоль русла Барьер-Крик на дне Хорсшу-Каньона, которые являются безмолвными свидетельствами существования древнего народа. В Большой галерее десятки людей-великанов ростом от двух с половиной до девяти метров нависают над группами невиданных зверей. Великаны превосходят размерами зверей и забредающих в каньон наблюдателей. У них длинные темные тела, широкие плечи и выразительные глаза. Великолепные массивные изображения – самые древние и лучшие примеры представлений о мире, которые были у древних народов. Эти образцы настолько уникальны, что антропологи называли этот тяжеловесный и несколько злоедающий способ изображения «стилем Барьер-Крик». Несмотря на отсутствие письменных источников, которые помогли бы нам расшифровать послания художников, некоторые из фигур похожи на охотников с копьями и дубинками; большинство из них безногие, безрукие, рогатые, кажется, что они плывут по воздуху как демоны из ночных кошмаров. Независимо от значения, которое было в них вложено, таинственные формы отличаются способностью заявлять о своей самобытности, которую они пронесли через тысячелетия, и могут противопоставить современному наблюдателю тот факт, что их изображения просуществовали дольше и сохранились лучше, чем старейшие артефакты западной цивилизации. И возникает вопрос: что останется от сегодняшних якобы очень развитых обществ через пять тысяч лет? Вряд ли наши произведения искусства. И уж совершенно точно не доказательства нашего времяпровождения (хотя бы потому, что большинство из нас попусту растрчивает такую роскошь, как время, сидя перед телевизором).

Предполагая, что в каньоне будет влажно и грязно, я надел пару потертых кроссовок и толстые полушерстяные носки. Ступни, утепленные подобным образом, потеют, когдажимают на педали велосипеда. Ноги тоже потеют, сжатые велосипедными шортами из лайкры, которые я ношу под бежевыми нейлоновыми шортами. Но даже несмотря на двойные шорты, я чувствую, как мой зад ударяется о велосипедное сиденье. Сверху на мне любимая футболка *Phish*, на голове – синяя бейсболка. Я оставил свою непромокаемую куртку в пикапе; день будет теплым и сухим, как вчера, когда я проехал на велосипеде двадцать километров по тропе Слик-Рок к востоку от Моаба. Если бы пошел дождь, расщелина каньона была бы последним местом, куда бы я отправился, в куртке или без нее.

Путешествия налегке доставляют мне удовольствие, и я думал, что с меньшим весом смогу пройти больше за тот же период времени. Вчера я брал с собой только маленький рюкзак с несколькими деталями для ремонта велосипеда, фотоаппаратом и видеокамерой – всего лишь четыре килограмма, это ничтожная нагрузка для четырехчасовой круговой поездки на велосипеде. Вечером, вынув из рюкзака велосипедные принадлежности, я проехал восемь километров в направлении природной арки в Кэстл-Вэлли и обратно, тогда в моем рюкзаке было всего лишь около трех литров воды и видеоаппаратура. За день до этого, в четверг, вместе с моим другом Брэдом Йолем из Аспена я поднялся на гору Соприс высотой 3952 метра в Западном Колорадо, откуда мы спустились на лыжах. У меня была с собой сменная одежда, противоловинное снаряжение, при этом вес моего груза не превышал пяти с половиной килограммов.

Моя пятидневная поездка завершится в воскресенье вечером попыткой прокатиться в одиночку и без груза на горном велосипеде по 174-километровой кольцевой тропе Уайт-Рим в национальном парке Каньонлендс. Впервые я проехал по этому маршруту в 2000 году. Тогда я потратил на это три дня. У меня был рюкзак весом двадцать восемь килограммов, и боль в спине появилась раньше, чем я проехал первые шестнадцать километров. Если у меня останется время на эту поездку, я возьму с собой рюкзак весом около семи килограммов и попробую проехать это расстояние менее чем за двадцать четыре часа. Это будет означать, что мне придется тщательно контролировать расход имеющихся у меня водных ресурсов и пополнять их при каждой возможности, я буду вынужден ехать без сна и делать минимум остановок. Больше всего меня беспокоит не то, что мои ноги устанут – я знаю, что это произойдет, и я знаю, как с этим справиться, – а то, что мой зад станет болезненно реагировать на удары велосипедного седла и я не смогу продолжить поездку. «Промежностная кома» – я слышал, что это так называется, – бывает вызвана падением чувствительности, что возникает в результате чрезмерной стимуляции промежности. Поскольку я не ездил на велосипеде на длительные расстояния с прошлого лета, привычка соответствующей части моего тела к велосипедному седлу почти утеряна. Если бы я запланировал ехать хотя бы двумя днями ранее, я бы заранее съездил хотя бы в одну длительную поездку в районе Аспена. Но случилось так, что в последний момент сорвалась альпинистская поездка, на которую мы с друзьями должны были отправиться в среду. И это дало мне возможность отправиться на хадж в пустыню, в паломническую поездку за теплом, чтобы заново познакомиться с пейзажем, отличающимся от зимних гор. Обычно я оставлял своим соседям по дому подробное описание маршрута поездки, в которую отправлялся, но поскольку я покинул дом в Аспене, не зная, что буду делать, единственное слово, которое я сказал им и которое определило направление, по которому я последовал, было «Юта». Я вкратце изучил варианты своей поездки, воспользовавшись путеводителями, когда ехал с горы Соприс в Юту в четверг вечером. Результатом стал неожиданный импровизированный отпуск, в котором была предусмотрена даже большая вечеринка рядом с национальным парком Гоблин-Вэлли сегодня вечером.

Сейчас почти десять тридцать утра. Я кручу педали, направляясь в тень одиноко растущего можжевельника, и осматриваю залитые солнцем окрестности. Пустыня постепенно отступает и превращается в местность из разноцветных каменных валунов, скрытых скал, выветренных и деформированных утесов, наклонных и разрушенных каньонов, расколотых монолитов. Это странная страна – это страна вуду. Это страна одиночества, красная пустошь, которая начинается там, где заканчиваются все дороги. Вчера вечером я приехал уже после того, как стемнело, и не смог разглядеть ландшафт по пути к тропе. Осматривая восточное направление, чтобы найти какой-либо указатель присутствия каньона, к которому я направляюсь, я вынимаю из рюкзака шоколадный маффин, купленный в пекарне в Моабе, и начинаю давиться им. Кекс и мой рот практически пересохли под воздействием засушливого ветра. Вокруг многочисленные следы крупного рогатого скота, свидетельства непрерывных попыток владельца ранчо вопреки всему заработать в пустыне себе на жизнь. Стада вытоптали извилистые тропы на местности,

покрытой кружевными травами, высокими кактусами, которые ошетиняются иглами, наподобие ежей, и черной микробиотической коркой, закрывающей красную землю. Несколько глотками воды из гидратационной трубки от моего кэмелбэка, прикрепленной к наплечному ремню, я запиваю остатки кекса.

Снова сев на велосипед, я еду вниз по дороге вдоль защищающей меня от ветра холмистой гряды, но на вершине следующего холма я снова вступаю в бой с порывами ветра. Еще через двадцать минут, непрерывно крутя педали по дороге, раскаленной, как доменная печь, я вижу группу мотоциклистов, которые проезжают мимо меня в сторону округа Мейз в Каньонлендс. Пыль от мотоциклов летит мне прямо в лицо, забивая нос, глаза, слезные протоки и даже приклеиваясь к моим зубам. Я с гримасой на лице счищаю песок с губ и зубов и прибавляю ход, размышляя о том, куда эти байкеры направляются.

Я побывал в округе Мейз только один раз, в течение получаса, почти десять лет назад. Когда наша группа, сплавлявшаяся на рафтах по каньону Катаракт, сделала привал во второй половине дня, чтобы разбить лагерь у реки Колорадо на пляже под названием «Спэниш-Боттом», я поднялся на триста метров вверх по краю скалы до места, известного под названием «Доллс-Хаус». Причудливые скальные образования высотой от полутора до трех метров возвышались надо мной, когда я, как лилипут, карабкался по песчанику и граниту. Наконец, когда я обернулся, чтобы посмотреть на реку, вдруг резко остановился и присел на ближайший валун, пораженный открывшимся мне видом. Это было впервые, когда особенности рельефа и процессы формирования пустыни заставили меня остановиться и понять, насколько мы малы и смелы, мы – человеческая раса.

Внизу, за лодками у Спэниш-Боттом, яростно текла река; внезапно я понял, что именно в этот момент ее красновато-коричневый поток вырезал этот самый каньон из тысячи квадратных километров пустынных равнин. Когда я находился в Доллс-Хаус, у меня неожиданно возникло чувство, что я наблюдаю за тем, как рождается ландшафт, как будто я стою на краю кратера извергающегося вулкана. Эта перспектива породила во мне ощущение того, что я нахожусь в самом начале времен, в той изначальной эпохе до возникновения жизни, когда существовала только пустынная земля. Подобно тому, как мы смотрим в телескоп на Млечный путь и задаемся вопросом, не одиноки ли мы во Вселенной, я с ошеломляющей ясностью осознал, насколько мала и хрупка жизнь, насколько мы незначительны по сравнению с силами природы и размерами пространства. Если бы моя группа, чьи два рафта находились на расстоянии полутора километров отсюда, села бы на них и ушла, я бы оказался отрезанным от человечества настолько, насколько это вообще возможно. Через пятнадцать – тридцать дней я бы умер от голода, в одиночестве, когда пошел бы пешком вверх по течению реки по направлению к Моабу, и больше никогда бы не увидел признаков присутствия человека или его самого. Тем не менее, несмотря на скудость ландшафта и одиночество окружающей пустыни, мне в голову пришла торжествующая мысль, которая отодвинула на задний план все наши самоуверенные заблуждения. Мы не можем считать себя великими лишь потому, что мы находимся на вершине пищевой цепочки, или же потому, что мы можем изменить окружающую нас среду, – окружающая среда, благодаря своим непостижимым силам и непреклонной мощи, переживет нас. Но вместо того, чтобы чувствовать себя связанными и побежденными своей ничтожностью, мы смелы, потому что мы проявляем свою волю в любом случае, несмотря на свое эфемерное и хрупкое присутствие в этой пустыне, на этой планете, в этой Вселенной. Я посидел еще десять минут, затем с таким же широким кругозором, как и вид с этого обрыва, вернулся в лагерь и очень быстро приготовил ужин.

Я еду по дороге мимо металлической водопропускной трубы, которой отмечен высохший источник западного ответвления каньона Блю-Джон, затем проезжаю перекресток, где ответвление грунтовой дороги уходит в сторону небольшого городка Ханксвилл, который находится

в часе езды к западу от входа в Национальный парк Капитол-Риф. Ханксвилл – ближайшее поселение к Робберс-Руст и округу Мейз. В нем находится ближайший телефон-автомат. Примерно через восемьсот метров я проезжаю по пологой травянистой поляне, которая раньше была взлетно-посадочной полосой до тех пор, пока какая-то незначительная катастрофа не заставила того, кто прилетал сюда, поискать более надежную площадку. Это свидетельствует о том, что маленькие самолеты и вертолеты, как правило, являются единственным эффективным средством передвижения в этой стране. Но в некоторых случаях с финансовой точки зрения не всегда бывает выгодно отправляться из одного пункта в другой, даже если бы вы умели летать. Лучше просто остаться дома.

В свое время мормоны сделали все возможное, чтобы вдоль и поперек расчертить эту часть страны дорогами с разноуровневыми развязками, но им все-таки пришлось отступить в основанные ими города Грин-Ривер и Моаб. Сегодня многие из дорог, построенных мормонами, заброшены, вместо них появились труднопроходимые тропы. Забавно, но на автомобилях здесь ездят намного реже, чем на лошадях или на повозках сотню лет назад. Вчера вечером я проехал более девяноста километров по единственной грунтовой дороге в восточной части двух округов, чтобы добраться до места своего старта – за два с половиной часа езды по глубокой колее я не встретил ни одного фонаря, ни одного дома. Владельцы ранчо, скотоводы, добытчики урана и бурильщики нефти – каждый из них оставил свой след на этой земле, но затем все они сложили руки, отказавшись от своих планов, не в силах противостоять пустыне.

Эти искатели благосостояния не были первыми, кто переступил границу этой страны, а затем покинул ее как бесплодную пустошь. Во все времена общины древних поселенцев возникали в каньонах и затем исчезали в глубине веков. Обычно о том, что горы и отдаленные части пустыни более гостеприимны, люди начинали думать во время сильной засухи или вражеских вторжений. Но иногда невозможно найти правдоподобного ответа на вопрос о причине внезапного исчезновения целой культуры из определенного региона. Пять тысяч лет тому назад люди, проживавшие по берегам Барьер-Крик, оставили свои пиктограммы и петроглифы в Большой галерее и в нишах. Затем они исчезли. Поскольку нет никаких письменных свидетельств того, почему они ушли, их исход остался загадкой, давая пищу воображению. Глядя на их рисунки, заходя в их дома, сады и бродя рядом с кучами выброшенного ими мусора я чувствую связь с первопроходцами-аборигенами, которые жили в этих каньонах так давно.

Вскарабкавшись на столовую гору, я сразу получаю от ветра сильную оплеуху и начинаю с нетерпением ждать перехода через Хоршшу-Каньон, которым завершу свое путешествие. Я не могу дождаться момента, когда избавлюсь от этого унижающего ветра.

Судя по тому, что я увидел во время своей поездки, местность практически не изменилась с того времени, когда здесь жил Джон Гриффит. Бюро по землеустройству расширило лошадиную тропу столетней давности, установило редкие указательные столбы, но вездесущие разделительные заборы – характерная особенность Запада – здесь явно отсутствуют. Быть может, именно отсутствие заборов из колючей проволоки делает это место таким жутко удаленным. Я провожу много времени в труднодоступных местах – два или три дня в неделю в официально считающихся дикими уголках природы, – но в большинстве из них я не чувствую себя таким изолированным от внешнего мира, как на этой проселочной дороге. И потому что я так считаю, мое одиночество внезапно превращается в одинокость, которая иногда кажется чем-то непреодолимым. В то время, когда в городах региона бурлила жизнь, а Робберс-Руст приобретал свое имя, удаленная пустыня оставалась такой же дикой, как и в начале времен.

Через полтора километра после перевала Бёрр моя почти пятидесятикилометровая мучительная поездка против ветра наконец-то заканчивается. Я слезаю с велосипеда, подхожу к можжевельнику и при помощи U-образного замка прикрепляю заднее колесо моего велосипеда к дереву. Я не очень беспокоюсь о том, что кто-то может покуситься на мой велосипед, но как говорит мой папа: «Нет смысла искушать честных людей». Я бросаю ключи от замка

в левый карман и поворачиваюсь к главной туристической достопримечательности – каньону Блю-Джон. Я иду по узкой тропинке кратчайшим наземным путем, теперь, когда ветер не задует так противно мне в уши, я могу послушать на CD-плеере некоторые из моих любимых музыкальных композиций. Перейдя через несколько дюн из измельченного в порошок красного песчаника, я подхожу к песчаному рыжевато-красному оврагу и вижу, что нашел вход в зарождающийся каньон. «Хорошо, я на правильном пути», – думаю я и тут же замечаю двух человек, идущих вниз к каньону примерно в тридцати метрах впереди. Я спрыгиваю с дюны в мелкий песчаный овраг и, зайдя за дальний угол дюны, снова вижу двух туристов. С этого расстояния видно, что это две молодые женщины.

«И каковы же были шансы?» – думаю я, удивляясь тому, что увидел еще кого-то в пустыне. После трех часов в одиночестве, и, возможно, желая избавиться от этого чувства, возникшего где-то на дороге, я останавливаюсь, чтобы снять наушники, а затем бросаюсь вперед, чтобы догнать туристов. Они идут так же быстро, как и я, но не переходя на бег, и мне требуется целая минута, чтобы понять, сокращается расстояние между нами или нет. Я думал, что буду в совершенном одиночестве спускаться по основному рукаву каньона Блю-Джон, но встреча с единомышленниками в таких отдаленных местах обычно радует меня, особенно если они могут поддерживать столь быстрый темп ходьбы. В любом случае в данный момент я едва ли смогу избежать встречи с ними. На другом повороте они оглядываются и видят меня, но не останавливаются. Наконец я догоняю их, но не смогу обойти, пока те не остановятся, а они идут дальше.

Понимая, что дальше в течение некоторого времени нам придется идти вместе, я решил начать разговор.

– Привет, – начинаю я, – как дела?

Я не уверен, что они готовы к знакомству с первым встречным в удаленной пустынной глуши. Они без энтузиазма отвечают мне парой местоимений.

Надеясь на что-то более доброжелательное, я пробую еще раз.

– Я не ожидал увидеть кого-либо в каньоне сегодня.

Несмотря на то, что сегодня суббота, это место достаточно удаленное и настолько уединенное, что даже я не смог бы сказать, стоя на грунтовой дороге Робберс-Руст, где вход в каньон, сверяясь с совершенно точными указаниями моей карты.

– Да, ты застал нас врасплох, так подкравшись, – отвечает шатенка, но потом улыбается.

– Ой, извините. Я слушал музыку в наушниках, был погружен в свои мысли, – объясняю я. Улыбаюсь в ответ и представляюсь, – меня зовут Арон.

Они заметно смягчаются и называют свои имена. Шатенку, которая говорила со мной, зовут Меган. Она кажется общительней второй, которую зовут Кристи. У Меган очаровательно выющиеся волосы до плеч, они обрамляют румяное лицо с карими глазами. Она одета в синюю рубашку на молнии и с длинными рукавами, синие спортивные штаны, на спине синий рюкзак. Если бы я догадался, то мог бы сказать ей, что ее любимый цвет – синий. Белокурые волосы Кристи стянуты в конский хвост, эта прическа открывает лоб с солнечными веснушками и глубокие серо-голубые глаза. Я замечаю, что помимо ее одежды – простой белой футболки с короткими рукавами и синих шорт поверх черных длинных леггинсов, – Кристи подобрала себе дополнительные аксессуары для этого дня – маленькие серебряные серьги-кольца и темные солнцезащитные очки в искусственной черепаховой оправе с ремешком из змеиной кожи. Обычно серьги не носят в каньоне, но сам я не настолько изысканно одет, чтобы делать замечания. Обеим девушкам лет по двадцать пять. В ответ на мой вопрос откуда они, я узнаю, что они из Моаба. Я быстро запоминаю их имена и кому какое принадлежит, чтобы не сделать ошибки в дальнейшем.

Меган, похоже, не против поболтать со мной. Она начинает рассказывать историю о том, как она и Кристи проскочили мимо стоянки у тропы в Грэнери-Спринг и в течение часа плу-

тали по пустыне, прежде чем нашли начало каньона. Я говорю, что гораздо проще ориентироваться на местности, когда ты на велосипеде, а не в автомобиле, потому что ландшафт не так быстро пролетает мимо.

– О Боже, если бы мы были на велосипедах, мы бы высохли на ветру прежде, чем попали сюда, – восклицает Меган, и это разбивает лед между нами.

Каньон по-прежнему представляет собой мелкое высохшее русло реки – узкое сухое ущелье между двумя грядами девятиметровых песчаных дюн. Вскоре местность станет более труднопроходимой, а пока мы дружески болтаем, обмениваясь мнениями о нашей жизни в городах Моаб и Аспен, в которых курортное общество четко делится на «слои». Я узнаю, что они, как и я, работают в индустрии активного отдыха на природе. Будучи менеджерами по логистике в компании *Outward Bound*, они снаряжают экспедиции экипировкой со склада компании в Моабе. Я рассказываю им, что работаю продавцом в магазине альпинистского снаряжения *Ute Mountaineer* в Аспене.

Среди добровольно обедневших налогоплательщиков наших городов существует негласное правило: лучше быть бедным в финансовом отношении, но обладать богатым опытом и жить своей мечтой, чем быть богатым в традиционном понимании этого слова и жить в отрыве от своих страстных увлечений. Среди пролетариев высокогорной страны существует убеждение, что стремление к курортному образу жизни – это позорное клеймо. Лучше быть бедным местным жителем, чем богатым туристом. (Правда, выживание местных жителей зависит от интенсивности туристического потока, поэтому их предполагаемое высокомерие более чем несправедливо.) Мы понимаем, что в этом уравнении все уравновешено.

То же самое касается нашего отношения к природе. Внутри каждого из нас есть свой Эдвард Эбби – воинственный защитник природы, протестующий против промышленного развития, выступающий против туризма, испытания различных видов оружия, любитель пива, воинствующий экотеррорист, любитель девственной природы и женщин (особенно из уголков дикой природы, хотя там они, к несчастью, встречаются крайне редко) – мудрец природоохранной деятельности. Вспоминая его оригинальные высказывания, я вижу, какую радость получает он, доводя вещи до крайности. Я вспоминаю, что в одном эссе он написал: «Конечно, мы все лицемеры. Единственный настоящий поступок эколога – это выстрелить себе в голову. В противном случае он все еще будет осквернять Землю своим присутствием». Цитата изложена немного иначе, но смысл именно такой.

– Это что-то вроде патологии, – отвечает Меган, придавая лицу притворно-виноватое выражение за то, что она не застрелилась.

Отставив в сторону Эда Эбби, мы обнаруживаем, что каждый из нас уже имеет опыт хождения по узким каньонам. Кристи спрашивает меня, какая у меня любимая расщелина каньона, и, недолго думая, я рассказываю ей о своем посещении Неонового каньона, так неофициально называется ответвление системы реки Эскаланте в центральной части штата Юта. Я красочно рассказываю о пяти спусках по свободно висящей веревке, хранителе ямы (это глубокая крутая дыра с гладкими стенками в полу каньона, которая «удержит» вас, если у вас нет партнера, который поднимется первым и затем поможет вам) и о Золотом соборе: невероятный спуск через песчаный тоннель в верхней стене ниши размером с собор Святого Петра, после чего вы падаете с высоты восемнадцать метров в большой бассейн с водой и затем плывете к берегу.

– Это необыкновенно, вы должны побывать там, – заключаю я.

Кристи рассказывает мне о своей любимой расщелине. Она находится напротив грунтовой дороги, идущей от тропы Грэнери-Спринг. Это одна из верхних впадин водостоков Робберс-Руст, которую ее друзья из *Outward Bound* называют «Mindbender» (Галлюциноген). Она описывает проход в эту расщелину, по которой вы попадаете в каньон, зажатый между стенами на глубине четырех с половиной метров, V-образная расщелина сужается до ширины в десяток сантиметров, а у вас под ногами и ниже становится еще уже.

Я мысленно добавляю эту расщелину в список мест, которые следует посетить.

Несколько минут спустя, незадолго до полудня, мы подходим к непомерно крутому плавному спуску со скалы, что предвещает первую расщелину и более глубокие, более узкие проходы, которые приведут нас к каньону Блю-Джон. Я съезжаю на четыре с половиной метра вниз по насыпи из скалистой породы, притормаживая подошвами кроссовок, оставляя две черных полосы на розовом песчанике, и почти падаю в песок у основания стены. Кристи, выйдя из-за угла и услышав шум, видит меня на корточках в грязи и предполагает, что я упал.

– О черт возьми, ты в порядке? – спрашивает она.

– О да, я в порядке. Я сделал это специально, – совершенно серьезно отвечаю я, потому что торможение действительно было преднамеренным. Я ловлю ее взгляд, добрый, искренний, который говорит мне, что она верит мне, но думает, что я был глуп, что не смог найти более легкого пути, чтобы спуститься вниз. Я оглядываюсь и, видя, что можно было спуститься менее рискованным образом, который позволил бы избежать скольжения, действительно чувствую себя немного глупо.

Через пять минут мы подходим к первому участку сложного крутого спуска, при котором лучше повернуться лицом к скале и выполнять те же движения, что при подъеме, только в обратном порядке. Я спускаюсь первым, затем переворачиваю свой рюкзак, чтобы достать видеокамеру и сделать видеозапись спуска Меган и Кристи.

Кристи вытаскивает кусок красной стропы длиной около четырех с половиной метров из своего подобранного с ней в тон красного альпинистского рюкзака и продевает ее через металлическое кольцо, которое предыдущие группы каньонеров подвесили к другой петле из стропы, надежно обмотанной вокруг камня. Камень надежно закреплен в углублении за краем отвеса, а стропа легко удерживает вес человека. Держась за нее, Меган спускается. Ей приходится маневрировать вокруг нависающего валуна, застрявшего между стенами каньона, который становится препятствием на пути спуска вглубь расщелины, поначалу казавшегося легким. Как только Меган оказывается внизу, Кристи с опасением спускается вслед за ней, потому что не до конца доверяет кольцу и стропе. После того как она спустилась, я взбираюсь наверх, чтобы открепить стропу Кристи и забрать ее.

Через девять метров мы подходим к другому сбросу. Стены здесь намного ближе друг к другу, расстояние между ними всего лишь около метра. Меган бросает свой рюкзак в расщелину, прежде чем скользнуть вниз между стенами. Кристи делает несколько фотографий. Я смотрю, как Меган спускается, и помогаю ей, указывая, на какие выступы лучше опираться руками и ногами. Когда Меган оказывается на дне расщелины, она обнаруживает, что ее рюкзак промок. Оказывается, загубник отошел от шланга ее кемелбэка, когда она бросила рюкзак вниз, и почти вся вода вытекла на песок. Меган быстро находит синюю пластиковую насадку и останавливает течь, чтобы не возвращаться на стоянку у тропы. Важно не то, что ее рюкзак промок, а то, что она лишилась драгоценной воды. Я спускаюсь последним, с рюкзаком на спине, в котором чувствительная и хрупкая фото- и видеоаппаратура. Поэтому двигаюсь осторожно, иногда зависая между стенами в нескольких узких местах. Прокладывая себе путь между небольших валунов, я протискиваю свое тело через щель между стенами, чтобы добраться до дна каньона. В одном месте расщелину перегораживает бревно, я пользуюсь им как лестницей и спускаюсь вниз по его скользкому стволу, своего рода спуск «только для тощих».

В то время как за пределами каньона теплеет, в самом каньоне все сильнее и сильнее холодает. Мы входим в участок каньона длиной около четырехсот метров со стенами высотой в семьдесят метров, находящимися на расстоянии всего лишь пяти метров друг от друга. Солнечный свет не достигает дна этой расщелины. Мы подбираем несколько вороньих перьев, прикрепляем их к нашим «шляпам» и останавливаемся, чтобы сделать несколько фотографий.

Через восемьсот метров несколько боковых каньонов впадают в главное русло, по которому мы идем. Стены раздвигаются, открывая небо и отдаленную перспективу крутых утесов

в нижней части каньона. Выйдя на солнце, мы останавливаемся, чтобы съесть две мои шоколадки, которые уже начали подтаивать. Кристи предлагает шоколад Меган, но она отказывается, и Кристи говорит:

– Я действительно не смогу съесть весь этот шоколад одна... Хотя, неважно, нет, я смогу, – и мы вместе смеемся.

После некоторых пререканий мы все-таки приходим к согласию, что последнее большое боковое ответвление слева от главного русла – это западный рукав. А это означает, что это поворот, по которому должны пойти Меган и Кристи, чтобы вернуться к главной грунтовой дороге, расположенной примерно в шести с половиной километрах отсюда. Мы начинаем прощаться, когда Кристи предлагает:

– Давай, Арон, пойдем с нами! Мы поедем за твоим пикапом, затем потусуемся где-нибудь и выпьем пива.

Но я твердо решил завершить ранее запланированный тур, поэтому отвечаю:

– А как насчет иного плана? У вас есть обвязки, у меня – веревка, предлагаю пойти вместе со мной через нижний каньон до Большого сброса. Мы можем прогуляться, я покажу вам Большую галерею, а потом довезу вас до вашего пикапа.

– Это далеко отсюда? – спрашивает Меган.

– Думаю, еще километров тринадцать или около того.

– Что? Да ты не успеешь выйти отсюда до того, как стемнеет! Давай, пойдем с нами.

– Я действительно хочу дойти до того спуска и увидеть петроглифы. Но когда я закончу, подъеду на стоянку у тропы Грэнери-Спринг, чтобы встретиться с вами.

На это они соглашаются. Мы садимся и достаем свои путеводители, чтобы еще раз уточнить свое местоположение по карте каньона Блю-Джон. У меня новое издание путеводителя Майкла Келси по каньонам на плато Колорадо, в котором содержатся описания более ста каньонов, есть карта каждого из них, нарисованная от руки. Технические карты, нарисованные самим Келси, и описания маршрутов, выполненные им после того, как он лично прошел каждый каньон, – это настоящие произведения искусства. В книге есть поперечные сечения наиболее каверзных расщелин, обозначены места, где находятся труднодоступные петроглифы и другие исторические артефакты, содержится подробная информация о снаряжении, необходимом для прохождения этих каньонов, точках закрепления стационарных крючьев и глубоких ямах с водой. В книге достаточно информации для того, чтобы вы могли понять, где находитесь, и ничего лишнего. Мы убираем карты, встаем, и Кристи говорит:

– Изображения на этой картинке из твоей книги похожи на призраков, они немного жутковаты. Как ты считаешь, какой энергией ты подзарядишься в Галерее?

– Хм, – я делаю паузу, чтобы обдумать ее вопрос. – Понятия не имею. Я ощущал связь с петроглифами, когда смотрел на них раньше, это хорошее чувство. Я очень хочу увидеть их снова.

Меган повторяет дважды:

– Ты уверен, что не пойдешь с нами?

Но я так же, как и они, сделал свой выбор.

За несколько минут до того, как они ушли, мы подробно обсудили наш план, согласно которому должны будем встретиться вечером, когда стемнеет, в их лагере в Грэнери-Спринг. Сегодня вечером состоится Скуби-вечеринка, которую устраивают друзья моих друзей из Аспена. Вечеринка состоится примерно в восьмидесяти километрах отсюда, к северу от национального парка Гоблин-Вэлли. Мы договорились поехать туда вместе. Большинство групп используют бумажные тарелки в качестве импровизированных дорожных знаков, чтобы указать путь к месту встречи. У моих друзей есть большая фигурка Скуби-Ду, которой они обозначают поворот. После окончания задуманного – целого дня приключенческого тура, двадцати пяти километров на горном велосипеде и двадцати пяти километров по каньону – я надеюсь,

что заслужу немного отдыха и холодного пива. Будет очень приятно снова и так скоро увидеть этих двух прекрасных дам пустыни. Мы заключили сделку, добавив к плану на завтрашнее утро небольшой поход по каньону Смол-Уайлд-Хорс – технически несложной расщелине в Гоблин-Вэлли. В два часа дня мы расстаемся друзьями с прощальными улыбками и взмахами рук.

Я снова один, продолжаю идти по дну каньона, следуя своим маршрутом. По пути я обдумываю, каким образом провести оставшуюся часть отпуска. Теперь, когда в плане у меня есть воскресный поход в каньон Смол-Уайлд-Хорс, я рассчитываю вернуться в Моаб около семи часов вечера. У меня будет достаточно времени, чтобы подготовить снаряжение, еду и воду для велосипедной поездки по тропе Уайт-Рим в национальном парке Каньонлендс, затем я могу немного вздремнуть в преддверии старта, который я запланировал на полночь, а затем немного вздремнуть перед началом ночи. Первые пятьдесят километров я проеду при свете налобника и фар, а завершу свой 170-километровый заезд поздно вечером в понедельник, успею к вечеринке, которую мы с соседями по дому запланировали как раз на вечер понедельника.

Внезапно я спотыкаюсь о грудку мелких камней, которую оставил последний ливневый паводок, и размахиваю руками, чтобы восстановить равновесие. Мое внимание моментально возвращается к каньону Блю-Джон.

Воронье перо все еще прикреплено к заднему ремешку моей синей бейсболки, я вижу его тень на песке. Это смотрится забавно – я останавливаюсь на открытом месте в каньоне и делаю фотографию своей тени с пером. Не останавливаясь, я отстегиваю поясной ремень и нагрудный ремень сумки, перемещаю сумку себе на грудь, копаюсь в сетчатом наружном мешочке, пока мне не удастся нажать кнопку *play* на моем портативном CD-плеере. Приветствие зрительного зала сменяется медленным гитарным вступлением и затем простыми словами популярной песни:

How is it I never see
The waves that bring her words to me⁴?

Я слушаю вторую часть концерта группы *Phish* от 15 февраля, я побывал на нем три месяца назад в Лас-Вегасе. Музыка полностью захватывает меня, я улыбаюсь. Я рад этому миру: это мое счастливое место. Прекрасная музыка, одиночество, дикая природа, отсутствие мыслей в голове. Походы в одиночку, движение в собственном ритме воодушевляют меня, проясняют мое сознание. Меня переполняет бессмысленное счастье – быть счастливым не из-за чего-то особенного, а быть счастливым просто потому, что счастлив, – такова одна из причин, почему я хожу в длительные одиночные походы. Мне нужно время, чтобы сосредоточиться на себе. Чувство гармонии, возникающее в теле и голове, восстанавливает мои душевные силы. Иногда, когда я начинаю думать об этом, я понимаю, что походы в одиночестве – это мой собственный метод достижения трансцендентного состояния, своего рода медитация при ходьбе. Я не могу достигнуть этого состояния, когда сижу и пытаюсь медитировать, произнося мантру «ом»; достигнуть этого состояния я могу только тогда, когда я иду один. К сожалению, как только я понимаю, что у меня наступил такой момент, эти ощущения уходят, все мои мысли возвращаются, трансцендентность исчезает. Я тщательно работаю над тем, чтобы научиться вызывать у себя это чувство полного удовлетворения, однако мои рассуждения о нем вытесняют само чувство. Несмотря на эфемерность этого чувства, подъем настроения, который сопровождает его, сохраняется у меня на протяжении нескольких часов, а иногда даже дней.

Сейчас 14:15, дневная погода пребывает в хрупком равновесии – солнечный свет чередуется с тонкими слоистыми облаками. В открытой части каньона температура примерно на пят-

⁴ Здесь и далее приводятся тексты песен группы *Phish*: *Как это я никогда не увижу / Волн, которые приносят мне ее слова?*

надцать градусов выше, чем на дне глубокой расщелины. По небу плывут кучевые облака, похожие на затерянные корабли, но тени от них нет. Я дохожу до широкого высохшего русла реки, которое входит в каньон с правой стороны, и сверяюсь с картой. Это восточный рукав. Кристи и Меган, без сомнения, выбрали правильное направление, чтобы вернуться назад. Тогда выбор казался очевидным, однако в дикой местности даже очевидные решения должны быть перепроверены. Ориентирование в глубоком каньоне может оказаться сложным и обманчивым. Иногда мне хочется думать, что в этом ничего сложного нет, нужно всего лишь идти прямо. По обеим сторонам от меня стометровые скальные стены, расстояние между ними не превышает полутора метров, они не позволят мне отклониться в сторону, наподобие того, как я мог бы сойти с маршрута на склоне горы. Однако раньше мне уже приходилось сбиваться с пути.

И тут мне вспоминается 60-километровый поход по каньону Пария, который я совершил в одиночестве. Я прошел примерно треть маршрута по каньону, когда полностью потерял направление и не понимал, где нахожусь. Я прошел еще восемь километров вниз по течению, прежде чем обнаружил ориентир, который был отмечен на карте. Положение было критическим, потому что мне нужно было найти выход из каньона до наступления темноты. Когда вы ищете вход в каньон или выход из него, отклонение от маршрута на пять метров иногда может полностью дезориентировать вас. Поэтому теперь я обращаю на свою карту самое пристальное внимание. Когда я в самой глубине каньона, я сверяюсь с картой даже чаще, чем когда нахожусь на вершине горы, иногда даже через каждые двести метров.

If we could see the many waves
That float through clouds and sunken caves
She'd sense at least the words that sought her
On the wind and underwater⁵.

Песня превращается во что-то неуловимо атональное, ускользающее от моего внимания, когда я прохожу мимо еще одного мелкого русла, с правой стороны впадающего в главное русло каньона. На карте сухое русло реки, или арройо, соответствует тому, что Келси назвал малым восточным рукавом. Этот рукав выходит из более высокого плато, которое он называет Гоат-Парк.

Высокие террасы и покрытое можжевельником плоскогорье Гоат-Парк справа от меня возвышаются над пластом геологической формации Кармель, которой более 170 миллионов лет, состоящим из слоев фиолетового, красного и коричневого алевролита, известняка и сланцевых отложений. Такой пласт более устойчив к эрозии, чем более древний песчаник Навахо, образовавшийся от нанесенных ветром отложений и сформировавший гладкие красно-коричневые скалы живописных каньонов. В некоторых местах изменчивые пласты эрозии создают эффект присутствия вуду – отдельно стоящие скальные башни и вигвамы, а также высокие дюны из камня различных оттенков, которые усеивают верховья скал каньона. Граничащие друг с другом текстуры, цвета и формы пластов горных пород Кармель и Навахо отражают разные ландшафты, которые их сформировали – моря Раннего юрского периода и пустыню позднего Триаса. Осевшие во время существования большого моря отложения формации Кармель напоминают застывшую грязь, высохшую в прошлом месяце. С другой стороны, узоры с поперечными слоями в песчанике Навахо показывают, как он образовался в результате смещения песчаных дюн: одна полоса высотой в пятнадцать футов в скалах показывает инкрустированные линии, наклоненные вправо; слои следующей полосы наклонены влево; и, кроме того, линии напластования совершенно горизонтальны. На протяжении геологических эр дюны

⁵ Если бы мы могли видеть множество волн, / Что плывут сквозь облака и затонувшие пещеры, / Она бы почувствовала, по крайней мере, каких слов ждали от нее / На ветру и под водой.

неоднократно меняли форму под воздействием силы ветра, дующего через древнюю пустыню, похожую на Сахару и лишенную растительности. В зависимости от того, насколько оставшиеся позади образования из песчаника были подвержены воздействию ветра или воды, они выглядят как грубо обтесанные песчаные валуны или отполированные скалы. И эта красота вызывает улыбку на моем лице.

По моим подсчетам, расстояние, которое я должен пройти до узкой расщелины, ведущей к двадцатиметровому Большому сбросу, составляет около восьмисот метров. Длина этой расщелины около двухсот метров, она находится в середине моего маршрута по каньонам Блю-Джон и Хорсшу. Я прошел немногим более одиннадцати километров от места, где оставил свой велосипед, и мне предстоит пройти еще около тринадцати километров, чтобы добраться до моего пикапа. Когда я доберусь до расщелины, мне предстоит совершить несколько коротких спусков, во время которых придется пролезать над и под выступающими валунами, затем продвигаться по очень узкой двенадцатиметровой расщелине, ширина которой в некоторых местах не превышает сорока пяти сантиметров. Я должен добраться до каменной площадки, где находится якорная система для спуска. Она состоит из двух скальных крюков и подвесов. Скальные крюки – это болты длиной в семь с половиной сантиметров и диаметром около девяти миллиметров, они устанавливаются при помощи ручного или беспроводного сверления дрелью. На головке крюка, выступающей из стены, крепится металлическая L-образная пластина, которая называется подвесом. У подвеса два отверстия: одним отверстием он крепится к скальному крюку, а во второе отверстие можно вщелкнуть карабин, или карабином можно к нему прикрепить лесенку, или же продеть в него стропу. Если скальный крюк правильно закреплен в твердой скале, вы можете без проблем загрузить на него вес в несколько сотен килограммов. Но в расщелинах каньонов горная порода вокруг болтов очень часто начинает крошиться из-за частых наводнений. Поэтому надежнее и безопаснее использовать два болта/подвеса одновременно на случай, если один из них неожиданно выйдет из строя.

У меня есть альпинистская веревка, обвязка, страховочно-спусковое устройство и спусковая стропа. Я взял с собой налобный фонарь, который необходим, чтобы осмотреть расщелины, которые могут послужить зацепками для рук, на предмет наличия внутри них змей. Я уже думаю о том, как пойду дальше после спуска, мыслями я уже в Большой галерее. В путеводителе Келси говорится, что в ней лучшие пиктограммы из всех, что можно найти на плато Колорадо, а стиль Барьер-Крик – это «стиль, который выше любых сравнений». И эта фраза не дает мне покоя уже два дня, с того момента, когда я прочитал ее по дороге в Юту.

Gold in my hand
In a country pool
Standing and waving
The rain, wind on the runway⁶.

Новая песня начинает звучать в моих наушниках, и я едва замечаю, что стены каньона уже сужаются, образуя начало расщелины, которая больше похожа на глухой переулок между двумя складскими зданиями, чем на улицу между небоскребами, как было в верхней расщелине. Под аккомпанемент соло рок-гитары моя походка становится более упругой, сжав пальцы правой руки в кулак, я делаю резкое движение рукой вверх. Затем дохожу до пересохшего водопада – первого спуска на дно каньона. Более твердый слой горной породы, включенный в песчаник, оказался более устойчивым к эрозии, вызванной течением воды, и сформировал выступ у сброса. От уступа, на котором я стою, до продолжения дна каньона примерно три метра. Еще примерно в шести метрах ниже по каньону между его стенами застряло S-образное

⁶ Золото в моей руке, / В загородном бассейне, / Стоя и размахивая, / Дождь, ветер на взлетно-посадочной полосе.

бревно. Если бы я мог добраться до него, это обеспечило бы мне более легкий спуск. Но до бревна труднее добраться через небольшую наклонную полку справа от меня, гораздо проще спуститься с выступа передо мной с трехметровой высоты.

Цепляясь за естественным образом образованные зацепы – углубления в песчанике размером с яйцо, – я спускаюсь с выступа и повисаю на руках. Мои ноги болтаются в шестидесяти-девяноста сантиметрах от дна каньона. Я отпускаю руки и падаю вниз, приземляясь в песчаную промоину, образовавшуюся под воздействием струи водопада, падающей с уступа. Мои ноги погружаются в высохшую грязь, которая трескается и рассыпается, как гипс. Теперь мои ботинки в порошкообразной грязи. Спуск был несложным. Но теперь я уже не могу подняться вверх по склону. Я должен идти вперед, обратного пути нет.

В наушниках начинает звучать новая песня, когда я пробираюсь по S-образному бревну, каньон становится глубже на девять метров, я еще дальше от вершин песчаных куполов в верхней части каньона.

I fear I never told you the story of the ghost
That I once knew and talked to, of whom I never boast⁷.

Бледное небо все еще различимо в этом трехметровом разрезе на поверхности земли. На моем пути два валуна в тридцати метрах друг от друга, каждый размером с фургон. Один находится всего в тридцати сантиметрах от дна песчаного каньона; другой – на дне коридора каньона. Я пробираюсь между обеими преградами. Каньон сужается до полутора метров в ширину, его волнистые и извилистые стены ведут меня влево, затем вправо, потом прямо, затем снова влево и вправо, и все время вглубь каньона.

Грандиозное наводнение вымыло громадные валуны из песчаника, из которого состоят стены каньона, и затем пронесло их по всем расщелинам, некоторые из валунов застряли в них, иногда на высоте до девяти метров. Расщелины каньонов – последнее место, где стоит оказаться во время грозы в пустыне. Небо прямо над каньоном может быть совершенно чистым, но сильные ливни в водоразделах, находящихся даже в пятнадцати или тридцати километрах отсюда, могут оказаться опасными и с легкостью утопят неосторожных каньеров. Во время наводнения дождь падает быстрее, чем земля впитывает воду. В восточной части Соединенных Штатов могут потребоваться несколько дней или недель для того, чтобы почва полностью напилась водой, поднялся уровень воды в реках от нескольких сантиметров до десятков сантиметров и началось наводнение. В пустыне твердая, обожженная солнцем земля похожа на керамическую плитку, и наводнение может начаться через пять минут после выпадения нескольких миллиметров осадков из одного лишь грозового облака. Не имея возможности впитаться в почву, вода скапливается на поверхности, и начинается потоп. Сточные воды собираются из сообщающихся дренажных систем и быстро становятся в двенадцатиметровом участке каньона потоком воды высотой в тридцать сантиметров. Это же количество воды становится стремительным потоком в замкнутом пространстве. Там, где расщелины сужаются до расстояния немногим более одного метра, высота воды может достигать трех метров, и наводнение превращается в хаотичный поток, в котором вспениваются грязь и обломки. Поток перемещает валуны, прорезает каньоны, откладывает различные материалы в сужениях каньонов и убивает все живое, что не может быстро подняться в безопасное место.

В этом извилистом участке узкого каньона все еще находятся остатки ила после недавнего наводнения, они покрывают стены на высоте до четырех метров от дна каньона. Десятилетиями продолжавшиеся размывы обнажили розовые и пурпурные полосы горной породы, из

⁷ *Боюсь, я никогда не рассказывал вам историю о призраке, / С которым я однажды познакомился и поговорил, чем я никогда не хвалился.*

которой состоит скала. Волнообразные стены искажают горизонтальные линии пластов горной породы и привлекают мое внимание в одном месте, где противоположные стены склоняются друг к другу, образуя двойную арку. Я останавливаюсь, чтобы сделать несколько фотографий. Отмечаю, что цифровые часы моего фотоаппарата отстают на одну минуту по сравнению с наручными часами. На экране цифровой фотокамеры написано, что сейчас 14 часов 41 минута, суббота, 26 апреля 2003 года.

Продолжая слушать музыку, я слегка покачиваю головой в такт, прохожу еще около двадцати метров и приближаюсь к трем валунам, между которыми протискиваюсь с трудом. Впереди я вижу еще пять валунов, каждый размером с большой холодильник, перегораживающий путь на разной высоте от дна каньона. Проход между ними будет напоминать прогон через строй. Необычно видеть такое количество валунов примерно на одном расстоянии друг от друга, выстроенных в линию в практически ровном коридоре. Просвет под первым подвешенным валуном составляет около шестидесяти сантиметров, я должен проползти под ним на животе – это первый раз, когда мне приходилось так близко наклоняться к дну каньона, но выбора нет. Следующий валун находится чуть выше. Я встаю, отряхиваюсь, затем приседаю и прохожу под ним. Еще два раза мне приходится вставать на четвереньки и проползать под валунами, но я преодолеваю их. Глубина расщелины здесь более двадцати метров, я спустился на пятнадцать метров ниже куполов из песчаника, расстояние до которых отсюда по прямой около шестидесяти метров.

Я прохожу к следующему сбросу. Это будет спуск с высоты трех-трех с половиной метров, что примерно на тридцать сантиметров выше спуска, который я совершил десять минут назад, и геометрия у этого сброса другая. Еще один холодильникообразный валун вклинился между стенами в трех метрах ниже по течению и на той же высоте, что и уступ. Из-за этого пространство под ним напоминает короткий тоннель, что порождает эффект клаустрофобии. Стены, вместо того чтобы расширяться после спуска или вести в углубление на дне каньона, сужаются до одного метра в поперечном направлении у края спуска и на этой же метровой ширине идут вглубь каньона примерно на пятнадцать метров. Иногда в узких проходах, подобных этому, я могу протиснуться через расщелину, упираясь спиной и ступнями в противоположные стены. Контролируя противодействие ног и рук, перемещая их по противоположным сторонам, я могу довольно легко перемещаться вверх и вниз по узкой расщелине, пока мои ноги, руки и спина достаточно плотно прижаты к стенам. Эта техника известна как «каминная» или «прочистка дымохода». Вы можете использовать ее, чтобы подняться вверх по каминной трубе.

Прямо под уступом, на котором я стою, находится валун размером с большое автобусное колесо, он застрял в проходе между стенами примерно в метре ниже края уступа. Если я смогу ступить на него, то буду находиться на высоте около трех метров от дна каньона, то есть потом смогу спуститься с меньшей высоты, чем в предыдущий раз. Я свешусь на валун, затем совершу короткий спуск на округлые камни на дне каньона. Используя каминную технику – упираясь одной ногой и одной рукой о каждую стену, – я начинаю спуск к валуну. Прижимаюсь спиной к южной стороне и сгибаю левое колено, затем упираюсь левой ногой в стену с северной стороны. Правой ногой я пинаю валун, чтобы проверить, насколько плотно он застрял. Он достаточно крепко держится, чтобы выдержать мой вес. Я ступаю на валун. Он выдерживает меня, но немного качается. Убедившись в этом, я уже не хочу спускаться с него при помощи каминной техники. Я приседаю, обхватываю камень, повернувшись лицом к верхней части каньона. Соскользнув на животе по переднему краю, я смогу спуститься и повиснуть на полностью вытянутых руках, как при спуске с крыши дома.

Когда я медленно ползу по валуну, чувствую, как камень реагирует на мою хватку легким потрясыванием, поскольку вес моего тела заставляет его вращаться и изменять положение. Я мгновенно осознаю, что для меня это может обернуться проблемой, и инстинктивно

отпускаю вращающийся валун, чтобы приземлиться на круглые камни внизу. Когда я смотрю вверх, валун, падающий в направлении моей головы, закрывает от меня небо. Страх заставляет меня вздернуть руки над головой. Я не могу двигаться назад, в противном случае я упаду на небольшой выступ. Моя единственная надежда – оттолкнуть падающий камень и убрать голову с его пути.

Мне кажется, что следующие три секунды длятся в десять раз дольше, чем обычно. Время расширяется, я нахожусь как бы во сне, мои реакции затормаживаются. Как при замедленной съемке я вижу, что камень прибывает мою левую руку к южной стене, глаза фиксируют столкновение, я дергаю левую руку назад, поскольку камень ricochetит от стены и ударяет по моей правой руке, придавливая ее в запястье ладонью и большим пальцем вверх, пальцы вытянуты; камень скользит вниз по стене и тянет за собой мою руку, срывая кожу с боковой стороны предплечья. Затем наступает тишина.

Я не верю своим глазам, впадаю в некий временный паралич, наблюдая, как моя рука исчезает в невероятно маленькой щели между упавшим валуном и стеной каньона. Через несколько мгновений болевая реакция преодолевает первоначальный шок моей нервной системы. *Боже мой, моя рука!* Сильная боль повергает меня в панику. Grimаса искажает лицо, я громко кричу: «Черт!» Мой мозг приказывает телу: «Убери руку оттуда!» Я три раза дергаю руку в наивной попытке вытащить ее. Бесполезно, я застрял.

Беспокойство заставляет мозг работать; жгучая боль пронзает мою руку от запястья до плеча. Я в бешенстве кричу: «О дерьмо, дерьмо, дерьмо!» Мозг в отчаянии вызывает в памяти историю, возможно придуманную, о том, как мать под воздействием адреналина в состоянии шока поднимает перевернувшуюся машину, чтобы освободить своего ребенка. Я бы даже поспорил, что эта история не настоящая, однако я точно знаю, что сейчас, когда в моей крови бушует адреналин, это лучший шанс для того, чтобы предпринять попытку освободиться при помощи грубой силы. Я толкаю большой валун, пытаюсь сдвинуть его с места, упираюсь в него левой рукой, встав на колени, всей массой тела наваливаюсь на него. Хорошей опорой для меня служит тридцатисантиметровый выступ под ногами. Стоя на нем, я бедром упираюсь в валун, пытаюсь подтолкнуть его снизу вверх, хрипло повторяя: «Давай... двигайся!» Ничего.

Я отдыхаю, а затем снова наваливаюсь на камень. Опять ничего. Я меняю положение ног. Понимая, что наиболее удобный захват с нижней части валуна, я упираюсь перевернутой левой рукой на выступ в скале, глубоко вздыхаю и врезаюсь в валун с большим напором, чем во время любой из предыдущих попыток. «Охх...», – напряжение выдавливает воздух из легких, заглушая тихий, глухой звук качающегося валуна. Движение камня практически незаметно; все, что я получаю, это всплеск уже невыносимой боли, от которой задыхаюсь: «Ой! Вашу мать!»

Я сдвинул валун на несколько миллиметров, и он еще больше придавил мое запястье. Этот камень весит намного больше, чем я думал, – это свидетельствует о том, насколько сильно я был взволнован, когда передвинул его, – все, что я теперь хочу – это вернуть его назад. Я снова занимаю прежнее положение, вытягиваю левую руку, кладу ее поверх камня и слегка сдвигаю его назад. Боль немного утихает. При попытке передвинуть камень я ободрал кожу и получил ушиб четырехглавой мышцы бедра. С меня льется пот.левой рукой я снимаю рубашку с правого плеча и вытираю лоб. Моя грудь вздымается. Я испытываю жажду, но когда сосу шланг своего камелбэка, обнаруживаю, что мой резервуар для воды пуст.

У меня еще остается литр воды в пластиковой бутылке «Лексан», которая лежит в рюкзаке, но мне требуется несколько секунд, чтобы понять, что я не смогу снять рюкзак с правой руки. Я снимаю с шеи фотоаппарат и кладу рядом с собой. Как только я освобождаю свою левую руку от лямки рюкзака, я увеличиваю лямку с правой стороны, просовываю голову в петлю и протягиваю ее через левое плечо таким образом, чтобы он охватывал мой торс. Вес оснастки для скалолазания, видеокамера и бутылка с водой тянут вниз мой рюкзак, я пересту-

паю ногами через лямку и снимаю рюкзак со спины. Достав темно-серую бутылку с водой со дня рюкзака, я откручиваю крышку и прежде, чем осознаю важность того, что я делаю, выпиваю три больших глотка воды, затем останавливаюсь, чтобы перевести дыхание. Я поражен: за пять секунд я выпил треть всего оставшегося запаса воды.

«О черт, чувак, закрой это и убери. Больше никакой воды», – я плотно завинчиваю крышку, опускаю бутылку в рюкзак, упирающийся в мои колени, и делаю три глубоких вдоха. «Хорошо, надо расслабиться. Адреналин не вытащит тебя отсюда. Давай посмотрим на это снова, посмотрим, что мы имеем».

Удивительно, прошло полчаса с момента происшествия. Решение посмотреть на ситуацию объективно, прекратить торопиться и совершать бесплодные попытки освободиться позволило мне успокоиться. Это не скоро закончится, поэтому мне нужно начать думать. Для этого нужно быть спокойным.

Первое, что я решил сделать, это осмотреть место, где валун прижал к стене каньона мою руку. Гравитация и сила трения втиснули валун, теперь висящий на высоте немногим более метра от дна каньона, в новые точки сжатия. С трех сторон противоположные стены удерживают камень. С ближней к дну каньона стороны валуна моя рука и запястье образуют четвертую точку опоры, поскольку они попали в тиски этого ужасного рукопожатия. Я понимаю: «Моя рука не просто застряла там, она фактически удерживает этот валун у стены. Да, чувак, ты попал».

Пальцами левой руки я дотягиваюсь до своей правой руки там, где она видна у северной стены каньона. Через маленькую щель над местом придавливания правой руки я касаюсь большого пальца, который уже болезненно серого цвета. Он отогнут вбок и выглядит ужасно неестественно. Я выпрямляю большой палец передним и средним пальцами левой руки. Я совершенно не чувствую свою правую руку. Я принимаю это с чувством отрешенности, как будто диагностирую чужую проблему. Подобная беспристрастность успокаивает меня. Из-за отсутствия чувствительности мне кажется, что это не моя рука – если бы это была моя рука, я бы почувствовал, когда касался ее. Самая крайняя часть руки, которую я чувствую – это мое запястье в том месте, где оно прижато валуном. Судя по внешнему виду, отсутствию хруста сломанных костей во время несчастного случая и по тому, что не нарушена чувствительность моей правой руки, переломов у меня, вероятно, нет. Однако, учитывая характер происшествия, у меня есть значительные ушибы мягких тканей и, насколько мне известно, что-то может быть сломано в середине руки. В любом случае ничего хорошего.

Исследуя нижнюю часть валуна, я могу коснуться мизинца правой руки и определить его положение. Моя правая рука согнута, частично сжата в кулак, ее мышцы, кажется, вынужденно сокращены. Я не могу расслабить руку или вытянуть пальцы. Я стараюсь пошевелить каждым из них по отдельности. Не получается. Я пытаюсь напрячь мышцы, чтобы сильнее сжать кулак, однако нет даже малейшего подергивания. Вдвойне ничего хорошего.

Придвинувшись грудью ближе к стене, я пытаюсь левым указательным пальцем руки снизу коснуться запястья правой руки. Мой мизинец с трудом может пройти в промежуток между валуном и стеной, чтобы дотронуться до косточки на боковой стороне запястья. Я вытаскиваю левую руку, смотрю на левое запястье и вижу, что его ширина составляет примерно семь с половиной сантиметров. Мое правое запястье сжато до одной шестой своей нормальной толщины. Если бы не кости, валун бы расплющил мою руку. Судя по бледности моей правой руки и отсутствию кровотечения после травмы, в травмированной руке нет кровообращения. Отсутствие ощущений и невозможность двигать рукой может означать, что ее нервы повреждены. Какими бы в действительности ни были травмы, моя правая рука кажется полностью изолированной от системы кровообращения, нервной и двигательной систем моего тела. Втройне ничего хорошего.

Внутренний голос взрывается ругательствами при таком прогнозе:

– Черт! Как это случилось? Что за хрень? Как, *черт возьми*, ты позволил придавить свою руку этому *гребаному* валуну? Посмотри на это! Твоя рука *раздавлена*; она *умирает*, чувак, и ты с этим ничего не поделаешь. Если в течение пары часов кровообращение не будет восстановлено, ее уже ничто не спасет.

– Нет, это не так. Я выберусь. Я понимаю, что если не выберусь, то потеряю больше, чем свою руку. Я должен выбраться отсюда! – это говорит разум, но не он контролирует ситуацию, адреналин еще не полностью прошел.

– Ты попал в переплет, твою мать, тебе не повезло.

Я не хочу быть пессимистом, но дьявол, сидящий на моем левом плече, знает лучше меня, нет смысла притворяться. Маленький мерзавец прав: мои перспективы безрадостны. Однако еще слишком рано, чтобы отчаиваться.

– Нет! Заткнись, это бесполезно!

Гораздо полезнее продолжить осмотр места и проанализировать все, что я узнал. Тот, кто обращается ко мне, сидя на моем правом плече, предлагает хорошую идею – это не моя рука, мне не стоит волноваться. Есть более важная проблема. Излишнее внимание к проблеме второго порядка только лишь растратит мои ресурсы. Сейчас мне надо сосредоточиться на сборе дополнительной информации. Приняв такое решение, я смиряюсь с ситуацией.

Я смотрю направо. На северной стороне, сантиметрах в тридцати над вершиной валуна я вижу крошечные кусочки своей кожи, волосы с руки и пятна крови, образовавшие подтеки на песчанике. Когда я пытался протащить свою руку вдоль стены, валун и гладкий песчаник Навахо как теркой соскребли с нее верхние слои кожи, отрывая ее тонкими полосками. Вглядываясь в нижнюю часть руки, я пытаюсь увидеть, есть ли еще кровь, однако ее нет, нет даже одиночных капель.

Поднимая голову, я задеваю козырьком бейсболки камень, солнцезащитные очки слетают с головы и падают на рюкзак у моих ног. Подняв их, я вижу, что в течение последнего часа, с момента, когда они были на мне на солнечной стороне каньона, на них появилась трещина. «Не так уж важно», – говорю я себе, но все же кладу их на вершину валуна с левой стороны.

Наушники слетели с ушей, и теперь, уже успокоившись, я слышу звук аплодисментов, который доносится с работающего CD. Звук исчезает, когда диск останавливается, внезапное молчание еще больше усугубляет мою ситуацию. Я бесповоротно и окончательно пойман в ловушку, стою на тускло освещенном дне каньона и не могу двигаться, только на несколько сантиметров вверх или вниз, либо из стороны в сторону. Мои физические страдания усугубляются осознанием того, что никто, кто заподозрит, что я пропал, не будет знать, где я нахожусь. Я нарушил основное правило перемещения в условиях дикой природы, не оставив ответственному лицу записку с подробным описанием маршрута. Я нахожусь в тринадцати километрах от своего пикапа, один в глухом, редко посещаемом месте, и у меня нет возможности связаться с кем-либо, на расстоянии пяти метров от меня только стены каньона, моих криков никто не услышит.

Я один в ситуации, которая очень скоро может оказаться фатальной.

На моих часах 15:28. Почти сорок пять минут назад валун придавил мою руку. Я провожу инвентаризацию того, что у меня есть с собой. По очереди левой рукой достаю из рюкзака находящиеся в нем вещи. В пластиковой сумке для продуктов рядом с обертками от шоколада и пакетом из булочной с крошками от шоколадного кекса лежат два маленьких буррито из фасоли, в каждом около пятисот калорий. В наружном сетчатом кармане рюкзака лежит мой CD-плеер и диски, запасные батарейки, маленькая цифровая видеокамера. В сумке также лежат многофункциональный инструмент и фонарь с тремя светодиодами. Я достаю электронику и мультиинструмент, кладу их на валун рядом с солнцезащитными очками.

Кладу фотоаппарат в тканевый чехол для защитных очков, который защитит аппаратуру от попадания песка, и бросаю его в сетчатый пакет вместе с другими гаджетами. За исключением пластиковой бутылки с водой и пустого кэмелбэка, в рюкзаке остаются зелено-желтая альпинистская веревка в черной сумке на молнии, обвязка для скалолазания и небольшой набор снаряжения для спуска на веревке, который я взял с собой, чтобы использовать при спуске с Большого сброса.

Моя следующая мысль – устроить мозговой шторм для выявления всех возможных способов, при помощи которых я мог бы выбраться отсюда. Сначала в голову приходят простые идеи, хотя некоторые из них скорее утопичны, чем реалистичны. Быть может, другие каньонеры пройдут через эту часть расщелины и найдут меня – возможно, они смогут помочь мне освободиться или дадут мне вещи, еду и воду, а сами отправятся за помощью. Или Меган и Кристи подумают, что что-то произошло, когда я не приду на встречу, как обещал, и они отправятся на поиски моего пикапа либо решат уведомить о моем исчезновении Службу парка. Быть может, мои друзья из Аспена – Брэд и Лия Йоль – поступят так же, когда не увидят меня на сегодняшней большой вечеринке Скуби-Ду в пустыне. Но они не знали наверняка, что я приду, потому что я не позвонил им, когда был в Моабе вчера. Завтра воскресенье, все еще выходные – может быть, кто-то придет сюда в свой выходной. Если мне не удастся выбраться к вечеру понедельника, мои соседи по дому наверняка хватятся меня, они могут даже обратиться в полицию. Или менеджер магазина, где я работаю, позвонит моей матери, если я не приду на работу во вторник. Людям может потребоваться несколько дней, чтобы выяснить, куда я поехал, однако они смогут организовать поиски только к среде, и если они найдут мой пикап, дальнейшие поиски не займут много времени.

Основным препятствием для моего спасения может стать то, что у меня слишком мало воды и я не могу ждать долго – немногим более полулитра воды осталось после трех громадных глотков, которые я сделал несколько минут назад. Среднее время выживания в пустыне без воды составляет от двух до трех дней, иногда можно продержаться всего лишь день, если температура воздуха превышает 37°C. Я считаю, что смогу продержаться до вечера понедельника. Если спасение придет раньше, это может быть только случайно забредший сюда каньонер, а не специально обученный поисково-спасательный персонал. Иными словами, спасение кажется таким же вероятным, как и выигрыш в лотерею.

По своей натуре я очень нетерпелив. Когда ситуация требует от меня ожидания, мне нужно что-то делать, чтобы время шло быстрее. Можете назвать меня представителем поколения «быстрого удовлетворения». А может быть, мое воображение было подавлено слишком большим количеством телепередач, но спокойно сидеть на месте я не могу. В моей нынешней ситуации это, наверное, хорошо. У меня есть проблема, которую нужно решить – я должен выбраться отсюда, – поэтому я сосредоточился на том, что могу сделать, чтобы сбежать из этой западни. Отбросив пару слишком глупых идей (например, разломать мои батарейки на валуне в надежде, что кислота подвергнет его эрозии, но не разъест мою руку), я выстраиваю другие варианты в порядке предпочтения: сколоть камень вокруг моей руки при помощи мультиинструмента; обвязать камень веревками и поднять вверх, чтобы снять валун с моей руки; или ампутировать мою руку. Но у меня не будет необходимой силы тяги даже при использовании системы блоков, чтобы переместить валун, хотя это решение кажется мне наилучшим. У меня нет ни инструментов, ни знаний, ни эмоционального состояния для того, чтобы отрезать свою собственную руку.

Возможно, из тактических соображений я решил отложить обдумывание варианта самоампутации. Вначале следует поработать над более простым вариантом – отколоть кусок камня, чтобы освободить мою руку. Я достаю мультиинструмент, извлекаю наиболее длинное из двух лезвий. Внезапно испытываю радость оттого, что решил взять его с собой.

Выбираю легкодоступное место на валуне на уровне моей груди, в нескольких дюймах от моего правого запястья, и процарапываю кончиком лезвия линию длиной в десять сантиметров. Если я смогу отколоть камень ниже этой линии примерно на пятнадцать сантиметров, то смогу освободить руку. Но из-за того, что полоса камня, отмеченная для выдалбливания, местами имеет толщину около восьми сантиметров, мне придется удалить около ста восьми-десяти квадратных сантиметров камня. Это довольно много, и я знаю, что выдалбливание песчаника – крайне утомительная работа.

Моя первая попытка сделать скол вдоль линии, отмеченной на валуне, лишь слегка поцарапала камень. Я пытаюсь снова, в этот раз нажимая сильнее, но тыльной стороне рукоятки ножа гораздо проще надрезать мой указательный палец, чем режущему лезвию нанести удар по скале. Я изменяю хватку инструмента и теперь, держа его как Норман Бейтс, вонзаю лезвие в камень в том же месте. Нет какого-либо заметного эффекта. Я пытаюсь определить линию разлома в валуне или более мягкое место валуна, хоть что-то, что я могу использовать, но ничего нет. Даже если я сфокусируюсь на небольшом кристаллическом выступе в скале над моим запястьем, который я смогу отколоть, потребуется слишком много часов работы, прежде чем я смогу удалить даже этот крошечный минерализованный участок.

Я ударяю камень рукой, которая все еще держит нож, и громко раздраженно ору: «Какого черта этот песчаник такой твердый?!» Мне кажется, что каждый раз, когда я когда-либо поднимался по песчаному образованию, я оставлял в нем углубление, в которое можно было бы положить руку и использовать ее в качестве опоры. В этом же валуне я не могу оставить даже вмятины. Я решил провести быстрый эксперимент, чтобы проверить относительную твердость стены. Держа нож, как ручку, я легко вырезаю заглавную букву «Г» на северной стене каньона, примерно в тридцати сантиметрах над моей правой рукой. Постепенно я вырезаю еще несколько печатных букв в нижнем регистре «е-о-л-о-г-и-ч», затем делаю паузу, чтобы измерить пространство глазами и мысленно расположить на нем остальные буквы. В течение пяти минут я выцарапываю еще три слова, затем подправляю их до тех пор, пока не прочитываю фразу «Геологическая эпоха включает в себя настоящее время».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.